

МОЯ ОДЕССА

(Из воспоминаний)

Как хотите, можете со мной делать что угодно, а я все равно буду кричать: «Одесса — лучший город в мире!» Вы скажете: «Подумаешь, какой одесский Галилей нашелся». А я все равно кричу: «Одесса — лучший город в мире!»

У каждого хорошего города должно быть свое лицо. Если у города нет своего лица, — это не город. А знаете, как можно определить, есть ли у города свое лицо?

Не знаете? Так я вам скажу.

Вы приехали в город впервые, а вам кажется, что вы уже здесь бывали, — значит, у города нет своего лица, он похож на многие другие. Я мог бы вам назвать такие города, но не стоит — жители обидятся. Они любят свой город независимо от его облика. Разве можно не любить мать за то, что она не красавица? Мать любят за то, что она мать. Город — за то, что в нем прошла прекрасная пора детства и юности. Если бы Одесса была не самым лучшим городом в мире, разве я не любил бы ее? Конечно, любил бы. Может быть, все-таки немножечко меньше, но любил. А так как она все-таки самый лучший город и т. д., то сами понимаете...

П О Р Т Одесский порт славился знаменитой лестницей, ведущей из города в порт, и астакадой. Астакада — это нечто вроде нью-йоркской надземной дороги. Конечно, меньше шума, но больше веселья. Под этой астакадой творились развеселые дела. Во всю ее длину в маленьких домишках ютились харчевни, которые трогательно назывались «Обжорка». Здесь одесская погровая босячья жила, «как бог в Одессе». Меню: «порция гейши» — три копейки, «пара чаю» — две копейки.

Вы, конечно, хотите знать, что такое «порция гейши»? Полселетки, вареная картошка и черный хлеб (сколько угодно).

Дальше — выход на набережную, кавун (арбуз) — одна копейка. Удар о причал. Сердцевина — в пищу, все остальное — в море. Ну чем не «бог в Одессе»? Одежда бога — рваные парусиновые штаны и мешок с прорезью для головы и рук.

Под астакадой сидят бог и неудачник.

Бог одет по вышеуказанной моде, неудачник — почти голый. Все пропито. Осень.

Бог: Сирож, что ты дрожишь?

Неудачник: Холодно.

Бог: Ничего, было время, у меня тоже не было что надеть.

О, порт! Твои запахи преследуют меня. Терпкий запах каната и смолы. Одурающий запах причалов. Портовая, картавая, мягкая, твердая речь. Ругань на всех языках мира. Шум поррузки, звон якорных цепей и протяжные вопли гудков...

Б А З А Р Базаров несколько: Старый, Новый, Привоз. Раздражающее обилие. Все есть и всего много. Но больше всего крика, ругани и проклятий.

На всемирном конгрессе по всем этим видам «спорта» одесские торговки заняли бы, конечно, первое место.

— Бабочки, посмотрите, какая дамочка идет! Красавица! Муж должен быть с ней счастлив. Мадамочка, возьмите у меня рыбу! Смотрите на эту скумбрийку! Это же качалки! Красавица, возьмите!

— Почему у вас скумбрия?

— Гривенник десяток.

— Дорого.

— Вам дорого, так снимите платье, кидайтесь в море и ловите сами, так вам будет бесплатно.

— Бабоньки, посмотрите на эту конопатую морду, она думает, что она красавица. А ну, бабоньки, возьмите ее на тю!

— Тю-ю-ю! — орет весь рыбный ряд.

Когда нет покупателей, торговки ссорятся между собой.

Б И Р Ж А Одесса — город хлеба. Отсюда по морям всего мира идут корабли. Они везут добро Украины, или, как тогда говорили, Малороссии. Это — широко раскрытые ворота житницы.

Одесситы любят не только кушать хлеб, но и продавать. Хлебные экспортеры, хлебные маклеры — распространенный образ одессита.

Люди в чесучовых костюмах, белых пикейных жилетах и соломенных конатях. Иногда кажется, что это своеобразная воинская часть, одетая в нелепую форму. У этой части есть даже свое наименование — «лепетутники».

Есть в Одессе и здание, где делаются все сделки. Биржа. Это одно из красивейших зданий в городе. Как рассказывают потомки «лепетутников», история его такова. В свое время, когда возникла необходимость в таком здании, экспортеры, банкиры при поддержке «лепетутников» выписали из Италии архитектора Бернадатти.

— Бернадатти! — сказали они ему. — Надо построить биржу, но зал должен быть такой, чтобы не было никакой акустики. Если два человека разговаривают между собой, чтоб рядом стоящий третий ничего не слышал. Так нужно для дела!

И Бернадатти построил зал без акустики и получил за это 50.000 рублей «тех денег».

Так теперь в этом зале сделали... филармонию.